

Е. К. ЗВЕДРЕ

НЕСЕТ ЛИ УГРОЗУ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ АМЕРИКАНСКАЯ ПРОГРАММА «МОЛНИЕНОСНОГО ГЛОБАЛЬНОГО УДАРА»?

*Зведре Евгений Константинович, ст. науч. сотр.
Центра евро-атлантической безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России,
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: e.zvedre@inno.mgimo.ru*

Аннотация

В статье рассматривается концепция «неядерного быстрого глобального удара» (НГБУ), основанная на точечном применении неядерных средств дальнего радиуса действия в любой точке земного шара в течение 60 минут. С окончанием «холодной войны» руководство США взяло курс на создание систем оружия, дающих возможность реагировать на новые угрозы точечно, без применения ядерного оружия, уменьшая опору на «традиционную» триаду стратегических ядерных сил. Работая над конкретными проектами в данной области, Пентагон продвигается по двум основным направлениям: использование для целей НГБУ стратегических баллистических ракет наземного и морского базирования в неядерном оснащении и создание новых, гиперзвуковых носителей, обладающих способностью маневрировать в атмосфере. В России серьезно воспринимаются планы США по созданию потенциала НГБУ, относят их к числу основных внешних военных угроз, имеющих целью нарушить стратегический баланс, поскольку их реализация ведет к созданию систем, по своим ударным возможностям приближающихся к стратегическим наступательным вооружениям и способных нанести обезоруживающий удар по СЯС РФ. Продолжение работ по созданию средств НГБУ, категорическое нежелание США идти на юридические договоренности, снимающие озабоченности России, здесь рассматривается в качестве одного из главных препятствий дальнейшему взаимодействию с США в стратегической области, подготовке новых шагов по сокращению СНВ.

Ключевые слова: *неядерный быстрый глобальный удар, новые угрозы международной безопасности, межконтинентальные баллистические ракеты, гиперзвуковые планирующие боеголовки, угроза ядерному потенциалу России, поддержание стратегического баланса.*

В середине 1970-х гг. министерство обороны США приступило к изучению возможностей высокоточного оружия в неядерном оснащении как средства подавления отдельных стратегических целей на территории СССР, удар по которым традиционно связывался с применением ядерных сил. Пентагоновские аналитики предсказывали, что быстрое развитие вычислительной техники, средств космической навигации и наведения позволит в недалеком будущем резко нарастить точность средств доставки и тем самым частично ослабить «ядерную зависимость» в деле выполнения ряда стратегических задач [2].

С окончанием «холодной войны» глобальная расстановка сил коренным образом изменилась, резко снизилась вероятность развязывания мирового конфликта с применением ядерного оружия, мощный импульс получил процесс ограничения ядерных вооружений. В но-

вых условиях само содержание стратегического баланса стало иным за счет появления ряда новых факторов, неизвестных во времена советско-американского противостояния.

В США пришли к выводу о том, что в условиях снижения накала противоборства за доминирование в мире изменился и облик основных угроз национальной и международной безопасности: на передний план выдвинулись антиамерикански настроенные государства-«изгои», стремившиеся к обладанию оружием массового уничтожения и ракетными средствами доставки, а также международный терроризм. Мощным дополнительным стимулом для развития военной мысли в данном направлении стали теракты 11 сентября 2001 г.

Формирование новых геополитических реалий в совокупности с растущими возможностями бурно развивавшихся неядерных вооружений высокой точности дали мощный толчок дискуссии в американском экспертном сообществе по поводу модернизации существовавшей военной доктрины, в которой опора на традиционную ядерную «триаду» рассматривалась как ключевое условие достижения США глобального военного превосходства. Разумеется, вопрос об отказе от ядерных средств как инструмента сдерживания не ставился, но все громче идёт разговор о создании новых сверхэффективных неядерных вооружений, способных наносить молниеносные (в течение одного часа) удары высокой точности в любую точку земного шара.

Новые подходы в области обеспечения национальной безопасности нашли свое отражение в вышедшем в начале 2002 г. «Обзоре состояния ядерного потенциала США» («Nuclear Posture Review») — основном документе, посвященном детальному анализу политики и стратегии в области ядерных вооружений. Речь шла о «коренном изменении видения роли наступательных ядерных вооружений в стратегии сдерживания», интеграции высокоточного оружия в неядерном оснащении со стратегическими ядерными силами.

В контекст американских стратегических сил вводилось понятие «новой триады возможностей», включающей в себя:

- Ударные наступательные системы (в дополнение к ядерным включались неядерные системы высокоточного оружия дальнего радиуса действия).
- Оборонительные системы (главным образом, противоракетные пассивные и активные системы, предназначенные для защиты от ударов со стороны государств — «изгоев»).
- Обновленную инфраструктуру, обеспечивающую эффективное функционирование и модернизацию ударных и оборонительных систем.

По мысли стратегов минобороны, объединение стратегических ядерных сил и высокоточных обычных вооружений в единую категорию «ударных наступательных систем» или вооружений означала бы уменьшение зависимости от ядерного оружия как ключевого фактора сдерживания и обеспечила бы военно-политическому руководству расширенные возможности и повышенную гибкость для реагирования на новые вызовы по всему миру [4].

Тем самым в новых геополитических условиях высокоточному оружию отводилась отдельная «ниша» как наиболее эффективному средству борьбы с единичными критически важными целями, к которым причислялись мобильные и стационарные пусковые установки баллистических ракет, командные пункты, ядерные объекты и, наконец, некая террористическая инфраструктура.

Концепция неядерного «упреждающе-превентивного» глобального удара как наиболее эффективного ответа на возникшие вызовы и разработка соответствующих ударных средств быстро обрела государственный статус, став при президенте Дж. Буше-мл. важным элементом стратегии национальной безопасности США. В официальных доктринальных документах был введен в оборот термин «быстрый глобальный удар» (БГУ), превратившийся за счет позднейшего уточнения в «неядерный быстрый глобальный удар (НГБУ)». А в 2003 г. Белый дом официально утвердил разработанную минобороны концепцию БГУ, придав ей форму полноценной военной доктрины, согласно которой ставилась новая, доселе не свойственная вооруженным силам США задача — обеспечить возможность нанесения в течение часа, не полагаясь на силы передового базирования, удара с применением неядерных средств по целям в любой точке земного шара.

Так, в Обзоре оборонной политики США, вышедшем буквально через три недели после террористической атаки на американские города, акцентировалась необходимость скорей-

шего создания военно-технического потенциала, предназначенного для борьбы с новыми угрозами, где бы они ни появлялись [6].

В аналогичном документе, появившемся на свет в начале 2006 г., рассуждения о способности средств, предназначенных для быстрого глобального удара в кратчайшие сроки поражать как укрепленные стационарные, так и мобильные цели, где бы они ни находились, сопровождались постановкой конкретной задачи: в течение двух-четырех лет обеспечить возможность использования для этих целей баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) «Трайдент» в неядерном оснащении» [7, р. 49–50].

В Обзоре образца 2010 г., выпущенном уже при президенте Б. Обаме, прямо отмечалось, что неядерные системы большой дальности являются важной составляющей эффективной региональной архитектуры сдерживания и вновь подтверждался тезис о том, что такие системы позволяют сократить роль ядерного оружия в стратегии безопасности США. В документе также говорилось о работах по данной тематике, к которым уже приступили американские ВМС и ВВС. Речь, в частности, шла об использовании потенциала многоцелевых атомных подводных лодок класса «Вирджиния» и беспилотных летательных аппаратов [8]. Отметим, что за все, почти уже восемь лет президентства Обамы военная политика США на данном направлении практически не изменилась.

В структуре командования вооруженными силами США были проведены соответствующие новой военной доктрине изменения: в 2005 г. в рамках Стратегического командования («Стратком») было создано Объединенное функциональное командование по космосу и глобальному удару (с июля 2006 г. — Объединенное функциональное командование по глобальному удару, Joint Functional Component Command for Global Strike — JFCC-GS), среди задач которого значилось «обеспечение интегрированных возможностей для нанесения глобальных ударов с целью сдерживания и/или ликвидации угроз».

Работа по созданию сил и средств БГУ интенсифицировалась после прихода в Белый дом в 2009 г. администрации Б. Обамы. Важность неядерных средств БГУ в достижении военно-политических целей Вашингтона была в очередной раз акцентирована в новой редакции «Обзора состояния ядерного потенциала США» 2010 г. Одновременно в документе было отмечено снижение важности ядерного оружия в стратегии безопасности страны [5].

Перед военными стратегами с первых шагов встала задача определить, какие из имеющихся и перспективных систем вооружений могут использоваться для нанесения сверхдальних ударов. С точки зрения Пентагона достаточно быструю реализацию программы НБГУ в самые сжатые сроки могли бы обеспечивать существующие стратегические средства: ведь межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), оснащенные высокоточными неядерными боевыми блоками, вполне могут справиться с ролью ударных средств дальнего радиуса действия и атаковать любые цели в любой точке мира в пределах часа после принятия решения. Также активно рассматривалась перспектива использования для этих целей крылатых ракет и дальних бомбардировщиков. Отсюда и упомянутые первые конкретные предложения военных по применению «Трайден-тов» и «Томагавков».

Параллельно работам по модификации стоящих на вооружении систем научно-исследовательские структуры различных видов вооруженных сил активно приступают к НИОКР над перспективными средствами доставки, способными летать в атмосфере с гиперзвуковой скоростью (в десять и более раз быстрее скорости звука).

Здесь представляется целесообразным кратко остановиться на основных системах оружия, как существующих в виде прототипов, так и находящихся в проектно-экспериментальной стадии, предназначенных для использования в программе НБГУ:

Неядерная модификация ракеты «Трайдент» (Conventional Trident Modification). Программа рассматривала смешанное оснащение всех 12 подводных лодок с БРПЛ на борту, патрулирующих в Мировом океане: по две из 24 БРПЛ «Трайдент-II (D5)¹, которыми вооружены суб-

---

¹ «Трайдент» II (D5) — баллистическая ракета, оснащенная разделяющейся головной частью с блоками индивидуального наведения (РГЧ ИН), — единственная БРПЛ, оставшаяся на вооружении ПЛАРБ ВМС США и ВМФ Великобритании. Боезаряды, развернутые на «Трайдент II», составляют 52 % от всех СЯС США и 100 % — СЯС Великобритании.

марины, выполнялись бы в неядерном оснащении, тогда как оставшиеся 22 БРПЛ по-прежнему несли бы ядерные боезаряды. При этом лодки оставались бы в традиционных районах патрулирования, и лишь четыре из них находились бы в районах, пребывание в которых соответствовало бы задачам БГУ (две лодки в Атлантическом океане и две — в Тихом).

Среди разработок ВМС США следует выделить программу «Повышенная эффективность» (**Enhanced Effectiveness, или E2**) по разработке принципиально нового типа сверхточной маневрирующей неядерной боеголовки для «Трайдента», которая могла бы частично заменить развернутые ядерные боеголовки и существенно повысить эффективность размещаемых на подводных лодках ракет с точки зрения точности (с круговым вероятным отклонением порядка 10 метров) и поражающей силы [9, р. 12].

Отметим, что к идее использования атомных подводных лодок для выполнения задач НБГУ Пентагон вновь обратился в 2012 г., обозначив в запросе на бюджетные ассигнования в числе перспективных технологий разработку вариантов применения субмарин для неядерного удара. Причем, помимо атомных ракетоносцев с «Трайдентами», речь здесь шла и об использовании крылатых ракет «Томагавк», запускаемых с многоцелевых АПЛ класса «Вирджиния». Однако, хотя эти субмарины и открывают достаточно широкие возможности нанесения ударов по потенциальным целям, все же данное средство ограничено как дальностью (2,4 тыс. км), так и относительно невысокой (до 880 км/час) скоростью полета «Томагавка» [9].

В 2003 г. Агентство перспективных исследовательских проектов минобороны (Defense Advanced Research Projects Agency) приступило совместно с BBC к реализации программы, получившей название «Применение силы и запуск с континентальной территории США» (**Force Application and Launch from Continental United States – FALCON**), целью которой было обозначено создание ракеты, сходной по своим характеристикам с баллистической, а также гиперзвуковой боеголовки под нее, получившей название «**Common Aero Vehicle – CAV**». Речь шла о разработке ракетно-планирующей системы, которая развертывалась бы на континентальной территории США и в своем окончательном варианте обладала бы дальностью порядка 17 тыс. км [1, с. 55–57].

Согласно расчетам, после запуска с помощью МБР или другого средства доставки CAV будет способна развить скорость М5 и поразить мобильную цель с точностью до 3 м. А для того, чтобы средства обнаружения ракетных пусков других ядерных держав не приняли старт ракеты с CAV за запуск ядерной МБР, авторы концепции предложили «простое» решение: разместить их позиции подальше от баз МБР, скажем, на базе BBC Ванденберг в Калифорнии и на космодроме на мысе Канаверал во Флориде.

Годом позднее появился план модификации под неядерные боеголовки списанных стратегических ракет «Минитмен II» (находились на боевом дежурстве почти 30 лет, были сняты с вооружения в начале 1990-х гг.) и «Пискипер-МХ» (стояли на вооружении СЯС США в 1986–2005 гг.), получивших в «новой жизни» общее название «**Минотавр**» (некоторое количество этих МБР переделали под ракеты-мишени для программы ПРО и для вывода в космос полезных нагрузок).

Для целей же НБГУ предназначался вариант носителя «Минотавр-4», унаследовавший первые три ступени от «Пискипера» и специально разработанную четвертую. Как подчеркивали авторы проекта, главное достоинство «Минотавра-4» помимо значительно большей, по сравнению с «Трайдентом», полезной нагрузки — низкая стоимость, обеспечиваемая использованием наработанных технологий и наличием значительного (несколько сотен) запаса неиспользованных ступеней МБР².

В 2008 г. BBC США предложили план по созданию «ракеты обычного (неядерного) удара» (**Conventional Strike Missile – CSM**), в которой предполагалось использовать ракету «Минотавр-4» в сочетании с отделяемой головной частью, способной двигаться в атмосфере с гиперзвуковой скоростью. На роль полезной нагрузки для CSM рассматривалась гиперзвуковая боеголовка (**Hypersonic Technology Vehicle – HTV-2**), созданная на основе технологий, наработанных в рамках программы E2. В качестве альтернативного варианта рассматривалась возможность использования боеголовки, разрабатываемой в рамках проекта «Передового гиперзвукового оружия» (**Advanced Hypersonic Weapon или АНВ**). Состоялось два испытательных

² Minotaur V Launch Vehicle. URL: <http://spaceflight101.com/spacerockets/minotaur-v>

запуска HTV-2 (22 апреля 2010 г. и 10 августа 2011 г.). Первый был неудачным, второй рассматривается как частично удачный: боеголовка отделилась от «Минотавра-4» и продолжила полет в атмосфере. Однако из-за потери контроля над аппаратом полет был прекращен, и HTV-2 упала в океан. Впоследствии проект признан малоперспективным и на сегодняшний день ограничен проведением малозатратных проектно-исследовательских работ [1, с. 61–62].

Гораздо успешнее дела идут в рамках проекта «Передового гиперзвукового оружия» (**Advanced Hypersonic Weapon, или АНВ**), также рассчитанного на создание гиперзвуковой (несколько более легкой) боеголовки. Успешно проведенное 11 ноября 2011 г. первое испытание АНВ дало возможность проекту претендовать на приоритетность (и соответствующее финансирование) перед HTV-2. В качестве бустера в нем была использована экспериментальная ракета-носитель STARS (Strategic TARget System), созданная в начале 1990-х гг. на базе первых двух ступеней БРПЛ «Поларис-А3» и применявшаяся в качестве мишени для стратегических ракет-перехватчиков в рамках программы ПРО. Однако второй запуск 25 августа 2014 г. был неудачным. Тем не менее очередные испытания АНВ с усовершенствованной планирующей боеголовкой Пентагон предполагает провести в 2017 и 2020 гг.³

Специалисты научно-исследовательского центра ВМС совместно с ВВС, НАСА и Агентством DARPA работают над созданием семейства гиперзвуковых управляемых ракет классов «воздух — земля» и «корабль — берег», предназначенных для поражения критичных по времени целей. Предполагается, что ракетой класса «воздух — земля» будут оснащены тактические истребители и стратегические бомбардировщики. Одна из наиболее продвинутых разработок такого рода — гиперзвуковая крылатая ракета X-51A WaveRider. Во время летных испытаний 1 мая 2013 г. X-51A достигла скорости М5,1 (5,4 тыс. км/час)⁴.

Заслуживает упоминания еще один аналогичный проект, разрабатываемый DARPA и получивший название АРКЛАЙТ (ArcLight), который по дальности запуска (до 3,5 тыс. км) занимает «промежуточное» положение между проектами E2 и CSM. Еще одна его особенность состоит в том, что в качестве бустера намечается использовать маршевые ступени усовершенствованной противоракеты «Стандарт-3» модификации Блок 2, а пусковой установкой будет служить широко используемая на надводных кораблях и подводных лодках МК41⁵.

Отметим, что, начиная с 2008 г., работы над вышеперечисленными проектами проходят в рамках единой программы НБГУ Минобороны, объединившей отдельные, зачастую дублировавшие и конкурировавшие инициативы разных видов вооруженных сил.

Своего пика финансирование единой программы НБГУ достигло в 2012 и 2013 фин. годах, когда сумма ассигнований составляла порядка 180 млн долл. ежегодно. Несмотря на примерно двойное снижение ассигнований в 2015 и 2016 гг., Пентагон планирует увеличить запрос на 2020 финансовый год до 221 млн долл. Причем львиная доля финансирования НИОКР (до 90 %) достанется проекту АНВ, предусматривающему дальнейшую активизацию работ над «альтернативным» гиперзвуковым «планером» и проведение упомянутых испытаний. В целом в течение следующих пяти лет под дальнейшие работы по созданию неядерных средств глобального удара запрашивается порядка 890 млн долл. [9, р. 21–29].

Очевидно, что военно-политическое руководство США взяло последовательный, долгосрочный курс на создание мощных обычных высокоточных средств среднего и дальнего радиуса действия, используя для этого новейшие достижения в области военных технологий, оптимизировав усилия и распределив ресурсы по ряду направлений. Как отмечалось выше, большинство этих программ объединяет опора на использование стратегических и нестратегических баллистических ракет наземного и морского базирования, вооруженных как неядерными боеголовками, способными двигаться в атмосфере по характерной для ядерных ракет баллистической траектории, так и гиперзвуковыми, летающими по настильной траектории и маневрирующими для точного наведения на цель.

Иными словами, речь идет о создании потенциала высокоточного неядерного стратегического оружия, способного представлять реальную опасность для ядерных сил, в частности,

³ Malik T. US Military Blows Up Hypersonic Weapon After Failed Test Launch. URL: <http://www.space.com/26944-us-military-hypersonic-weapon-test-explodes.html>

⁴ X-51 WaveRider Unmanned Scramjet Aircraft, United States of America. URL: <http://www.airforce-technology.com/projects/x51-wave-rider>

⁵ ArchLight. URL: <http://www.globalsecurity.org/military/systems/munitions/arclight.htm>

России и Китая и напрямую не подпадающего под действующие международные соглашения в области контроля над вооружениями.

Разумеется, в Вашингтоне не могут не учитывать серьезные издержки от создания и развертывания такого оружия. Возможность «неверной интерпретации» запуска стратегических ракет с неядерной начинкой другими государствами, прежде всего Россией, и, соответственно, опасность провоцирования глобального ядерного конфликта по-прежнему остается для США одним из сдерживающих факторов в том, что касается определения сроков и масштабов развертывания средств НГБУ.

Так, авторы исследования, проведенного под эгидой Национальных академий США, пришли к выводу, с которым трудно не согласиться: никакие из известных мер предосторожности не в состоянии свести риски «неверной интерпретации» пусков неядерных МБР или БРПЛ к нулю и уж тем более полностью снять озабоченность других ядерных держав, в первую очередь России. Ведь речь шла о развертывании средств, предназначенных для практически мгновенного удара в условиях, когда традиционные меры укрепления доверия, оповещения, обмена информацией и т. п. просто не успеют сработать [3, р. 70–72].

Эксперты отметили, что степень риска резко возрастает при использовании планирующих гиперзвуковых боеголовки, непрерывно меняющих траекторию полета, или же «традиционных» неядерных средств доставки таких, как, например, крылатые ракеты. Хорошо еще, что имеющиеся в распоряжении США и России технические средства обнаружения запусков и сопровождения полета МБР и БРПЛ и их боеголовки делают вероятность ошибки при их использовании для ударов по целям НГБУ [19] ничтожно малой [3, р. 70–72].

Критики концепции вполне резонно указывают, что коль скоро заявленные цели «молниеносных ударов» находятся, как правило, к югу от России и Китая, а поразить их, уложившись в 60 минут, можно только используя «традиционные» траектории полета стратегических ракет через Северный полюс, то вероятность такого рода «неверной интерпретации» становится угрожающей.

Несмотря на многочисленные заявления администрации Б. Обамы о том, что реализация концепции НГБУ не отразится негативно на стабильности отношений с Россией и Китаем в ядерной сфере, а в качестве возможных ее целей фигурируют «деструктивные государства», «региональные противники» или «террористическая инфраструктура», проводимая Пентагоном работа с первых шагов вызвала растущую озабоченность у российского руководства. Постепенно данная проблема приобрела черты нового серьезного раздражителя в отношениях между двумя странами в военно-политической сфере.

Возникает вопрос: способна ли НГБУ в перспективе представлять реальную угрозу для российских стратегических ядерных сил и могли бы Россия и США наладить политическое и дипломатическое взаимодействие для выработки мер по укреплению взаимной безопасности на данном направлении?

В целом утвердительный ответ на первый вопрос содержится в ряде достаточно негативных оценок высокопоставленных российских военных и дипломатических представителей, сделанных в последнее время.

Что касается второго вопроса, то, как показывает история с подготовкой и ратификацией нового Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (ДСНВ-3), на фоне сложившегося состояния двусторонних отношений в стратегической области ответ пока что выглядит скорее отрицательным.

В Москве вполне резонно считают, что развертывание средств неядерного глобального быстрого удара в совокупности с такими высокотехнологичными системами вооружений, как система глобальной ПРО и космические ударные системы, могут в недалеком будущем стать *главным фактором, подкрепляющим претензии США на достижение глобального военного доминирования и подрывающим сложившееся стратегическое равновесие.*

В декабре 2013 г. в ежегодном послании Федеральному Собранию РФ президент России В. В. Путин отметил, что такие разработки США, как «стратегические ракеты в неядерном исполнении, гиперзвуковые неядерные высокоточные системы, предназначенные для нанесения ударов в короткий промежуток времени и на большую дальность», вызывают нашу озабоченность. «Мы внимательно следим за развитием так называемой концепции “обезоруживающего мгновенного глобального удара” <...> Реализация всех этих планов может

иметь крайне негативные последствия для региональной и глобальной стабильности, <...> свести на нет все ранее достигнутые договоренности в области ограничения и сокращения стратегических ядерных вооружений, привести к нарушению так называемого стратегического баланса сил»⁶.

О том, насколько серьезно воспринимаются в России планы создания потенциала НГБУ, можно также судить по новой редакции Военной доктрины Российской Федерации, обнародованной в конце 2014 г., которая содержит оценки, аналогичные данным годом ранее в президентском послании. В документе реализация концепции НГБУ характеризуется как одна из «основных внешних военных опасностей» для России, наряду с созданием и развертыванием систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере. Соответственно, перед политическим руководством страны ставится задача противодействовать попыткам других государств «добиться военного превосходства путем развертывания систем стратегической противоракетной обороны, размещения оружия в космическом пространстве, развертывания стратегических неядерных систем высокоточного оружия»⁷.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, принятой указом Президента РФ 31 декабря 2015 г., также отмечается, что в условиях практической реализации концепции «глобального удара», размещения в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке компонентов системы противоракетной обороны США существенно снижаются возможности поддержания глобальной и региональной стабильности⁸.

К сожалению, как это было с разработкой и созданием глобальной системы противоракетной обороны, в США предпочитают не слышать озабоченности и предостережения Москвы. Вместо рассмотрения возможных политико-правовых и военно-технических мер по снятию законных озабоченностей в связи с реализацией программы НГБУ, администрация Б. Обамы выступает за дальнейшее сокращение ядерных вооружений и провозглашает курс на достижение «безъядерного мира», вполне коррелирующий с концепцией НГБУ. Ведь в сочетании с надежной системой ПРО такой курс в отдаленной перспективе в принципе может позволить США обеспечить свои стратегические интересы и без большого ядерного потенциала.

Напомним, что в ходе многолетних переговоров по новому договору об ограничении стратегических наступательных вооружений, который пришел на смену Договору СНВ-1 1991 г., российская сторона настойчиво пыталась обусловить данное соглашение ограничениями на программы в области ПРО и стратегических неядерных систем. Американские планы по созданию и развертыванию соответствующих оружейных систем характеризовались не иначе, как подрывающие стратегическую стабильность и усиливающие риск ядерного конфликта.

Однако, несмотря на усилия российских переговорщиков, данная принципиальная позиция к моменту подписания ДСНВ-3 была юридически «размыта» до уровня общих формулировок, прописанных в преамбуле Договора. Так, в тексте лишь фиксировалось, что стороны будут учитывать «влияние МБР и БРПЛ в обычном оснащении на стратегическую стабильность», и были констатированы общепризнанная взаимосвязь между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями и возрастающая важность этой взаимосвязи в процессе сокращения стратегических ядерных вооружений⁹.

В ходе ратификационных слушаний Сенат США принял специальную резолюцию, которая, хотя и не вносит поправок в текст Договора или Протокола к нему, но ярко иллюстрирует отношение законодателей к принятому документу в виде условий, которые должны быть выполнены администрацией США после вступления ДСНВ-3 в силу. Помимо фиксации обязательства создать систему ПРО на континентальной части США и в Европе, сенаторы

⁶ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>

⁷ URL: <http://www.rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html>

⁸ URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/4039>

⁹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/F635006240021FB8C32576FF004195A9

недвусмысленно определили, что все перспективные системы вооружений стратегической дальности в неядерном оснащении не будут попадать под действие нового соглашения, регулирующего дальнейший процесс сокращений ядерных арсеналов России и США¹⁰.

В свою очередь в резолюции, принятой Государственной Думой ФС России при ратификации Договора, указывается, что «принятие США на вооружение систем стратегического назначения с неядерным оснащением», если эти решения не были пропущены через двустороннюю консультативную комиссию, относится к исключительным условиям, которые повлекут выход России из Договора¹¹.

История с ДСНВ-3 получила свое продолжение в начале февраля 2016 г., через пять лет после ратификации Договора (ДСВН-3 заключался сроком на 10 лет), когда Белый дом напомнил, что лимиты в 1 550 боеголовок и 700 мобильных средств доставки, предусмотренные ДСНВ-3, вступят в силу уже через два года, и призвал Россию к продолжению переговоров о дальнейшем сокращении ядерных арсеналов. Сам же ДСНВ-3, как считают в Вашингтоне, обеспечивает «критически важную прозрачность российских ядерных возможностей»¹².

Из Москвы прозвучал недвусмысленный ответ: как заявил замминистра иностранных дел РФ С. А. Рябков, «мы вышли на рубеж, за которым двусторонние российско-американские переговоры в этой сфере не представляются возможными», они делаются «лишенными политической логики и здравого смысла» в условиях, когда власти США стремятся к подрыву оборонного потенциала России. Их продление допустимо только в случае, если будут учтены «озабоченности и приоритеты» России¹³.

Дипломат обвинил США в дестабилизирующих действиях, назвав в числе причин, по которым на данном этапе Москва не готова возобновить переговорный процесс по СЯС, дальнейшее развитие США программы «глобального удара», разработку средств, способных «наносить обезоруживающие удары без использования ядерных боеголовок, но на дальность поражения, равную дальности стратегических средств»¹⁴.

В высказываниях ряда российских официальных лиц прямо говорится, что Россия от слов готова перейти к делу и приступить к подготовке ответов на американскую концепцию «глобального молниеносного удара», в частности в области гиперзвуковых летательных аппаратов. Известны слова вице-премьера РФ Д. О. Рогозина, указавшего, что Россия «не может себе позволить оказаться в другом научно-техническом укладе, учитывая активное развитие высокоточных средств и гиперзвуковых технологий, новых материалов», что «мы не собираемся сидеть сложа руки»¹⁵. Здесь, кстати, опыта у отечественных разработчиков не занимать: в СССР такие разработки активно велись начиная с 1970-х гг., однако в 1990-е гг. были свернуты.

Замминистра обороны России Ю. И. Борисов, выступая 10 сентября 2014 г. по итогам совещания по разработке госпрограммы вооружений на 2016–2025 гг., также заявил, что Россия может создать собственную систему глобального молниеносного удара, но будет исходить из оборонительной доктрины развития вооружений. «Россия может и будет вынуждена это сделать, но мы будем разрабатывать системы противодействия этим новым видам вооружения, потому что все-таки основная доктрина нашей страны — это оборонительная и мы не собираемся ее менять»¹⁶.

Необходимо ли России уже сегодня предпринимать такие активные шаги по противодействию потенциальным вызовам и угрозам, которые несет реализация Вашингтоном концепции НГБУ и не приведут ли ответные меры к разрастанию новой гонки вооружений? Однозначного ответа на этот вопрос пока нет. Ясно одно: Москва убеждена, что НГБУ в перспективе может реально угрожать ее потенциалу ядерного сдерживания и уже начинает принимать значимые практические решения в этой области. Тем самым можно констатировать, что новый этап гонки неядерных стратегических вооружений между США и Россией вполне реален.

¹⁰ URL: http://actualcomment.ru/senat_ssharatifitsiroval_dsnv.html

¹¹ Там же.

¹² URL: <http://www.rbc.ru/politics/06/02/2016/56b6139a9a79471fb8e06b6d?from=main>

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ URL: ria.ru/defense_safety/20131211/983402820.html

¹⁶ URL: <http://www.pravda.ru/politics/military/defence/11-09-2014/1225841-otvetnaudar-0>

Время для принятия решений еще есть. В случае, если в США окончательно победят сторонники развертывания нового оружия и практической реализации программы «неядерного быстрого глобального удара» будет дан зеленый свет, то, скорее всего, американские военные смогут приступить к ее реализации ближе к середине 2020-х гг.

Вместе с тем, даже если американские средства НГБУ и российские системы, предназначенные для их нейтрализации, будут развернуты, всегда сохраняется возможность уравновесить соперничество или, выражаясь правовым языком, прописать использование неядерного оружия большой дальности (в том числе небаллистических систем) в будущем соглашении, к которому, вероятно, смогли бы присоединиться и другие страны. Пока что «окно возможностей» по предотвращению нового витка стратегического соперничества до конца не закрыто, и России, и США не следовало бы упускать шанс им воспользоваться.

На данный момент говорить о каких-либо контактах между Москвой и Вашингтоном по вопросам контроля над вооружениями не приходится, и обеим сторонам потребуется проявить недюжинную политическую волю и вновь пройти трудной дорогой восстановления доверия, как это было сделано в 1960–1970-х гг., чтобы сосредоточить усилия на поиске взаимоприемлемых способов решения проблемы неядерного стратегического оружия.

DOES THE US PROGRAM OF CONVENTIONAL PROMPT GLOBAL STRIKE THREATEN RUSSIAN NATIONAL SECURITY?

*Evgeny Zvedre, Senior Researcher, Institute of International Studies, MGIMO-University.
119454, 76 Vernadsky Ave., Moscow. E-mail: e.zvedre@inno.mgimo.ru*

Summary

The article analyses a concept of Conventional Prompt Global Strike aimed at developing weapons systems that can deliver a conventional warhead anywhere in the world within an hour as a prioritized part of the US military strategy. The Pentagon planners believe that deployment of CPGS weapon would allow a selective and far more effective response to post-cold war threats, such as international terrorist networks, "rogue states" and other adversaries, thus drastically reducing reliance on nuclear deterrent in a number of situations. Over the years the Pentagon's R&D activities in this area encompassed numerous established and emerging weapon technologies, including use of surface-launched and sea-launched strategic missiles and hypersonic glide vehicles. The CPGS program is raising serious concerns in Moscow, where Russian officials consider it as a threat to Russia's strategic nuclear arsenals and national security interests alongside with the US plans to develop and deploy global ballistic missile defense capabilities and attack weapons in space. Moscow predicts it could undermine strategic balance and trigger a nonnuclear arms race.

Keywords: *Conventional Prompt Global Strike (CPGS), post Cold War international security, intercontinental ballistic missiles, sea-launched ballistic missiles, hypersonic boost-glide weapons, threat to Russian nuclear potential, maintaining strategic balance.*

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Эктон Дж.М. Серебряная пуля? Правильные вопросы о неядерном быстром глобальном ударе / Пер. с англ. [рус. версия доклада] под ред. Е. Мясникова. — М.: Московский центр Карнеги, 2014.
2. Ford Ch. A. Conventional 'Replacement' of Nuclear Weapons? URL: <http://www.newparadigmsforum.com/NPFtestsite/?p=546>
3. National Research Council of the National Academies. U.S. Conventional Prompt Global Strike: Issues for 2008 and Beyond. — Washington, DC, August 2008. URL: <http://www.nap.edu/read/12061/chapter/5#71>.
4. Rumsfeld D. Foreword // U.S. Department of Defense, Nuclear Posture Review Report 2002. URL: <http://fas.org/sdp/news/2002/01/npr-foreword.html>
5. U. S. Department of Defense, Nuclear Posture Review Report 2010. URL: http://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf

6. U. S. Department of Defense, Quadrennial Defense Review Report. – Washington, DC, January 2002. URL: <http://www.comw.org/qdr/qdr2001.pdf>
7. U. S. Department of Defense, Quadrennial Defense Review Report. Washington, DC, February 2006. <http://www.globalsecurity.org/military/library/policy/dod/qdr-2006-report.pdf>.
8. U. S. Department of Defense, Quadrennial Defense Review Report. Washington, DC, February 2010. URL: <http://www.comw.org/qdr/fulltext/1002QDR2010.pdf>
9. *Woolf A. F.* Conventional Warheads for Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues for Congress. URL: <http://fpc.state.gov/documents/organization/81935.pdf>